

Ломброзо Чезаре

**Политическая преступность и революция по
отношению к праву, уголовной
антропологии и государственной науке**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ч-35

- Ч-35 **Чезаре Л.** Политическая преступность и революция по отношению к праву, уголовной антропологии и государственной науке / Ломброзо Чезаре – М.: Книга по Требованию, 2023. – 257 с.

ISBN 978-5-519-93823-5

ISBN 978-5-519-93823-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

тому сокращается и реакція, которую онъ вызывали.

Нельзя, однакожъ, сказать, чтобы эти причины совершенно исчезли, отчасти потому, что рядомъ съ нами—счастливыми въ этомъ отношеніи—стонуть народы, которымъ отказано въ свободѣ мысли и правѣ политическаго самоопредѣленія, а отчасти потому, что, даже и у насъ, человеческая природа является неудовлетворимой—насыщеніе не всегда ее успокоиваетъ, а иногда развиваетъ новые, безпорядочные аппетиты, по крайней мѣрѣ у той группы людей, которую неврозъ или житейскія разочарованія сдѣлали неспособными къ спокойствію.

Правда, что многіе изъ послѣднихъ, дѣлаясь виновными въ настоящихъ преступленіяхъ, безсознательно совершаютъ доброе дѣло, потому что указываютъ намъ на неудовлетворенныя нужды или ускоряютъ событія, которыя иначе совершились бы гораздо позднѣе. Чаше, однакожъ, они просто живутъ въ болѣзненномъ бреду, среди противурѣчивыхъ проектовъ, подобно мыльнымъ пузырямъ блестящимъ всѣми цвѣтами радуги, но лопнувшимъ отъ малѣйшаго прикосновенія.

Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдъ за республиканцемъ и социалистомъ, имѣющими историческое или экономическое право на существованіе, появляются коммунистъ и анархистъ, совершенно отвергающіе государство, отрицающіе даже обязанности гражданина и стремящіеся однимъ ударомъ разрушить всѣ связи, дѣлающія современнаго человѣка сравнительно счастливымъ.

Но вѣдь никто же не пойдетъ за ними такъ далеко.

Намъ слѣдуетъ, стало быть, заняться изысканіемъ, существуетъ ли, помимо злоупотребленій деспотизма, политическое преступленіе, приносящее обществу вредъ и, слѣдовательно, влекущее за собою отвѣтственность передъ закономъ. А если такое преступленіе существуетъ, то въ чемъ оно состоитъ по отношенію къ политическому организму и правамъ гражданъ, входящихъ въ составъ послѣдняго.

Если бы мы при этомъ изысканіи стали слѣдовать по протоптаннѣмъ тропинкамъ древнихъ понятій о правѣ, то

должны бы были начать съ апіористическаго опредѣленія, опирающагося на какія-нибудь древнія цитаты. а затѣмъ, исходя отъ него, подобно пауку, ткующему свои нити и съ такой же прочностью, продолжать ткать основы нашей работы. Но такъ какъ для насъ преступникъ важнѣе преступленія, то мы дадимъ опредѣленіе послѣдняго—составляющее для насъ, во всякомъ случаѣ, дѣло второстепенное, только послѣ основаннаго на криминальной антропологии и исторіи изложенія факторовъ этого новаго вида преступности.

Что касается приложенія нашихъ теорій къ жизни, то есть политическихъ и социальныхъ реформъ, то мы не скроемъ, что многіе поверхностные критики сочтутъ нашу попытку бесполезной, потому только, что мы допускаемъ врожденность преступности. Но разсуждать такимъ образомъ, значило бы, по прекрасному сравненію Sighele *), то же самое, что отвергать всякую возможность улучшенія земледѣлія, потому только что мы не можемъ застраховать себя отъ молніи и града. Въ природѣ существуютъ случайности и менѣе неустрашимыя, чѣмъ градъ и молнія, а съ ними, къ счастью, человѣкъ можетъ бороться. Точно также и въ общественной средѣ есть враги болѣе многочисленные и менѣе закоренѣлые, чѣмъ прирожденные преступники, а потому въ борьбѣ съ этими врагами постоянная и просвѣщенная предусмотрительность много можетъ сдѣлать. Да и кромѣ того, въ средѣ народа покойнаго и довольнаго своими учрежденіями, всякая политическая попытка прирожденныхъ преступниковъ останется безрезультатной.

Пробуя разрѣшить нѣкоторыя изъ великихъ историческихъ социальныхъ задачъ, занимающихъ вниманіе ученыхъ и мыслителей, мы старались быть объективными. Мы заставили молчать въ себѣ всякія предвзятые чувства, одинаково не подчиняясь какъ симпатіямъ такъ и антипатіямъ. Будемъ надѣяться, что и читатель поступитъ такъ же, что передъ рѣшеніемъ вопросовъ такой громадной важности онъ сброситъ съ себя предразсудки, присущія его партіи, его народности

*) Archivio Giuridico, Флоренція, 1891.

и даже его вѣку. Передъ лицомъ исторической эволюціи, одинъ вѣкъ есть лишь секунда.

Пусть спорятъ съ нами, пусть даже разбиваютъ если хотятъ наши заключенія, но не факты, нами представленные и твердо установленные, какъ тѣ, на-примѣръ, которые доказываются милліо-

,

нами показаній выраженныхъ нами въ діаграммахъ. Априористическая критика безсильна противъ фактовъ; ихъ могъ бы оспаривать только тотъ, кто противуставитъ намъ тоже факты и, по крайней мѣрѣ, не въ меньшемъ количествѣ.

Ч. Ломброзо.—Р. Ляски.

Часть первая.

Антропология и социология политических преступлений и революцій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Инерция и прогрессъ.—Мизонизмъ и филонизмъ.—Революціи и бунты.

I.

Инерція и прогрессъ.

Охватывая однимъ взглядомъ сложные явленія нравственнаго міра, для того, чтобы вывести изъ нихъ общій законъ, преобладающій надъ всѣми другими, мы увидимъ, что это будетъ законъ инерціи. Это одинаково вѣрно какъ для міра неорганическаго, такъ и для міра органическаго, который съ перваго взгляда кажется такимъ отличнымъ отъ перваго, а на самомъ дѣлѣ вполне совпадаетъ съ нимъ какъ по натурѣ, такъ и по происхожденію.

По мѣрѣ того, какъ мы удаляемся отъ грубой матеріи, въ которой законы движенія развиваются почти безъ перерывовъ, это совпаденіе кажется ускользающимъ отъ насъ, потому что, дойдя до вершины лѣстницы существъ, мы уже не видимъ болѣе первыхъ ея ступеней, не постигаемъ какъ инфузорія могла развиваться до человѣка и какимъ образомъ дикарь каменной эпохи, Нандерталоидъ, превратился въ Дарвина, Вирхова, Пастѣра.

1) Прогрессъ. Но если эти превращенія поражаютъ насъ своею неожиданностью и какъ бы говорятъ въ пользу прогресса безконечнаго, неизбѣжнаго и совершающагося со страшной быстротою, то внимательное изслѣдованіе доказываетъ, что этотъ прогрессъ ни-

когда не проявляется повсемѣстно и сразу, или какими нибудь скачками, обусловленными особымъ творческимъ актомъ. Онъ былъ напротивъ того результатомъ очень медленной эволюціи, обусловленной отчасти—внѣшними случаями, вліяніе которыхъ упрочивалось естественнымъ отборомъ и борьбой за существованіе, позволяющими жить и размножаться только видамъ наиболѣе хорошо вооруженнымъ противъ всякихъ опасностей, а отчасти — именно закономъ инерціи, потому что, разъ начавшись, движеніе не только не могло остановиться, а шло постоянно ускоряясь, такъ какъ дѣйствующая причина измѣненій одновременно вызываетъ въ разныхъ направленіяхъ многообразный эффектъ и увеличиваетъ гетерогенность *).

Такъ, телеграфы и желѣзныя дороги обусловили не только быстроту сообщеній, но и скученіе населенія въ большихъ центрахъ, ослабленіе голодовокъ и появленіе цѣлаго ряда новыхъ отраслей промышленности, а, стало быть, новыхъ категорій работы и рабочихъ складовъ и оптовыхъ магазиновъ, доступъ къ которымъ не преграждается уже больше

*) Спенсеръ, *Прогрессъ*, 1886.

разстоянія. А быстрота и дешевизна сообщеній, въ свою очередь, содѣйствовали специализаціи промышленности.

Все это проявляется тѣмъ легче, что поле примѣненія новыхъ силъ постоянно расширяется и становится болѣе гетерогеннымъ, почему и результаты такого примѣненія оказываются болѣе многочисленными и разнообразными. Въ Ломбардской долині телеграфъ шире распространенъ чѣмъ въ Корсикѣ; дикіе раньше насъ узнали каучукъ, которымъ мы теперь такъ широко пользуемся, но не умѣли ни къ чему приложить его.

Размноженіе результатовъ, въ свою очередь, обусловливается непрочностью всего однороднаго, гомогеннаго, такъ какъ подъ вліяніемъ постоянно дѣйствующей силы это послѣднее дифференцируется, превращается въ гетерогенное, что и составляетъ первое условіе всякаго совершенствованія *).

Чѣмъ болѣе животное совершенствуется и приспосабливается, тѣмъ болѣе оно становится гетерогеннымъ. У современнаго европейца черепныя и лицевыя кости гораздо болѣе дифференцированы чѣмъ у паука. Точно такъ же дифференцированы и ихъ трудъ. Въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ дикарь долженъ быть одновременно воиномъ, охотникомъ, рыболовомъ и каменщикомъ, у насъ каждое изъ этихъ ремеселъ подраздѣляется на множество отдѣльныхъ специальностей.

Этотъ законъ былъ выраженъ Дарвиномъ подъ другой формой, въ его теоріи наклонности каждаго индивидуума къ измѣненію той наклонности, отъ которой именнo и зависитъ образованіе новыхъ видовъ и родовъ. Измѣняемость, однако же, нисколько не противорѣчитъ закону инерціи и есть, напротивъ того, результатъ дѣйствія этого закона подъ вліяніемъ внѣшнихъ толчковъ, обусловленныхъ необходимостью побѣдить въ борьбѣ за существованіе, позволяющей жить только наиболѣе приспособленнымъ.

2) Инерція въ органическомъ мірѣ. Какъ бы то ни было, эта дифференціація, развитіе столь разнообразныхъ формъ, происходитъ лишь очень медленно.

Естественный отборъ — пишетъ Дарвинъ — такъ же, какъ и прочность наиболѣе приспособленныхъ организмовъ во все не обязываютъ къ дальнѣйшему прогрессивному развитію; онъ только пользуется выгодными для индивидуума случайными измѣненіями. Тщетно было бы доискиваться, какую выгоду можетъ принести инфузорія, или глисту, или какому нибудь червю, болѣе сложная организація; а такъ какъ нѣтъ выгоды, то и формы этихъ животныхъ не улучшаются или улучшаются очень мало. Этимъ и объясняется прочность и неизмѣнность многихъ низшихъ организмовъ».

Этимъ же объясняется, прибавимъ мы, и существованіе въ морѣ, на большихъ глубинахъ, такихъ животныхъ, формы которыхъ совершенно одинаковы съ ископаемыми, жившими сотни вѣковъ тому назадъ. Внѣшняя обстановка не измѣнилась, никакой новой формы борьбы за существованіе не потребовалось, поэтому и организмы остались прежними.

Законъ инерціи такъ всемогущъ, что даже будучи побѣжденъ внѣшними условіями, онъ все-таки и въ наиболѣе прогрессировавшихъ существахъ, всегда оставляетъ черточки первобытнаго строенія въ видѣ пережитковъ и зачаточныхъ органовъ, если только это строеніе не возобновляется во всей своей цѣлости, какъ въ нѣкоторыхъ атавистическихъ формахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы находимъ около человѣческаго уха маленькіе мускулы, совершенно для насъ безпомощные, но у лошади, содѣйствующіе выраженію радости или испуга; если мы видимъ въ кончиковой кости зачатокъ хвоста, въ червеобразномъ отросткѣ — остатокъ удлиненной кишки травоядныхъ животныхъ, а въ *musc. psoas* — остатокъ мышцы, служащей для прыганья у грызуновъ, то мы имѣемъ передъ собою анатомическія доказательства силы закона инерціи, хотя и побѣжденнаго борьбой за существованіе и естественнымъ отборомъ, но все же не перестающего проявляться тамъ и сямъ. Точно также уроды и микроцефалы часто воспроизводятъ всѣ характерные признаки обезьянъ или грызуновъ, притомъ не только въ анатомическомъ устройствѣ, но и въ

инстинктахъ. *) То же можно сказать о преступникахъ, которые суть нравственные уроды, и въ которыхъ Sergi, вполне основательно, видитъ проявленіе преатавизма (анатомически доказанное), восходящее къ плотояднымъ и грызунамъ.

У большинства уродовъ законъ ннерціи является побѣжденнымъ лишь наполовину. Таковы, напримѣръ, тѣ изъ нихъ, которые наслѣдовали отъ предковъ только шерсть по всему тѣлу, не исключая лица; или двойное влагалище; или зачаточный хвостъ, какъ у рыбъ; или дочка почки, какъ у китовыхъ. И все это повторяется съ такой точностью, что ее можно выразить въ цифрахъ. Такъ *muscischio-pubicus* встрѣчается у 20% большихъ людей, а мозжечковая ямка, нормально находящаяся у птицъ и почти всѣхъ млекопитающихъ—45%. **)

Правда, что теперь Нэгели выступилъ ***), съ ученіемъ, предполагающимъ безконечный прогрессъ вида. По этому ученію, мицеллій идиоплазмы, въ силу внутреннихъ причинъ, присущихъ живой организованной матеріи, постоянно стремится переходить отъ простыхъ формъ къ сложнымъ, а слѣдовательно органическая эволюція обуславливается тою же механической необходимостью, которая наблюдается и въ основной структурѣ кристалла, точно такъ же зависящей отъ внутреннихъ, молекулярныхъ силъ и очень слабо измѣняющейся подъ вліяніемъ силъ внѣшнихъ.

Но помимо того, что ученіе Нэгели не объясняетъ, какимъ образомъ идиоплазма, распространяясь, вслѣдствіе сегментации зародыша по всѣмъ тканямъ, а стало быть прогрессивно уменьшаясь въ количествѣ, можетъ потомъ находиться во всѣхъ клѣточкахъ молодого организма,

*) Мы изслѣдовали Крао, у которой все лицо и огромныя уши покрыты волосами: но что еще важнѣе—она обладаетъ различными мѣшками, какъ низшія обезьяны и такимъ же носомъ безъ хрящей, какъ, у нихъ. Тереза Гамбарелло изъ Салерно, помимо шерсти по всему тѣлу, не исключая лица, обладаетъ еще и жирными подушками готентотскихъ женщинъ. (См. Ломброзо *L'uomo bianco e l'uomo di colore*, 1890.).

**) Ломброзо *Uomo bianco* 1870.

***) Нэгели, *Mechanische und physiologische Theorie der Abstammungslehre*. Мюнхенъ, 1884.

сохранивши всѣ свои филогенетически приобретенныя свойства; помимо того, что «общее стремленіе къ тому совершенствованію», вслѣдствіе предустановленной склонности къ организованной матеріи, по справедливому замѣчанію Марсели, *) отзывается старой метафизикой,—помимо всего этого, новѣйшія наблюденія показываютъ, что среди животныхъ часто встрѣчается подлинный регрессъ, видимо выродившіяся, то есть оставшіяся отъ болѣе высокой организаціи, формы. Это можно наблюдать, напримѣръ, у пластинчатожаберныхъ, у многихъ *gustaces*, можетъ быть, также у *Amphioxus*. Кромѣ того, существованіе нѣкоторыхъ животныхъ съ органами, подвергшимися регрессу (какъ напримѣръ глаза у пещерныхъ видовъ) тоже не согласуется съ безконечнымъ стремленіемъ къ совершенствованію, которое Нэгели приписываетъ идиоплазмѣ. Да надо еще прибавить, что и домашнія животныя регрессируютъ возвращаясь къ дикой жизни, и негры на Сенъ-Доминго превращаются въ чистыхъ Дагомейскихъ.

Да наконецъ и по теоріи Нэгели, какъ и по новѣйшей теоріи Вейсмана, прогрессъ въ мірѣ животныхъ никогда не совершается вдругъ, а всегда медленно и постоянно.

3) Инерція въ мірѣ нравственныхомъ.—Даже предполагая, что можно оспаривать проявленія инерціи въ мірѣ органическомъ, мы, конечно, не можемъ этого сдѣлать по отношенію къ міру нравственному.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько бы ни говорили о величій прогресса, нами достигнутого, но если мы составимъ карту распространенія его по земному шару, то сразу увидимъ, къ какому ничтожнымъ размѣрамъ онъ сведется. Можно сказать, что вся Африка, за исключеніемъ нѣсколькихъ пунктовъ, занятыхъ аріицами, Австралія и добрая половина Америки находятся почти въ доисторическомъ состояніи, или много-много въ положеніи большихъ азіатскихъ имперій первыхъ эпохъ исторіи.

Въ Южной Америкѣ, на Гаити, цивилизація измѣнила только внѣшнія формы

*) *Lezioni nell'uomo, secondo la teoria dell'evoluzione*, Туринъ 1888.

примитивной жизни, замѣнивъ неподвижность неустойчивымъ равновѣсіемъ, что, пожалуй, еще хуже.

Даже и у насъ, въ странахъ, наиболѣе цивилизованныхъ, если выдѣлить стариковъ, женщинъ, крестьянъ, духовенство, большую часть аристократіи и деревенской буржуазіи, совершенно враждебныхъ прогрессу, то много ли останется сторонниковъ послѣдняго?

Какое варварство царствовало всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Греціи, Испаніи, Кроаціи, Сардиніи, на Корсикѣ? Да нельзя сказать, чтобы и теперь оно тамъ перестало царствовать даже, въ средѣ лицъ, наиболѣе просвѣщенныхъ.

Не только частое повтореніе случаевъ, въ которыхъ люди наиболѣе цивилизованные, подъ вліяніемъ страсти, становятся варварами (какъ на примѣръ во время холеры въ Италіи, Палермскаго бунта, Декавильскихъ стачекъ и проч.), показываетъ, какимъ тонкимъ слоемъ культурнаго лака мы покрыты, но и наблюденія надъ нравами нашихъ народовъ въ самое мирное время, можетъ доказать, что, несмотря на скрещиванія и культуру, они не далеко ушли отъ первобытнаго состоянія.

II.

Мизонизмъ.

1) Наиболѣе яркимъ доказательствомъ преобладанія закона инерціи въ нравственномъ мірѣ является боязнь всего новаго, которую мы называемъ мизонизмомъ или неофобіей, и которая обуславливается трудностью замѣнить старое ощущеніе новымъ. Между тѣмъ боязнь эта такъ распространена въ животномъ царствѣ, что можетъ считаться физиологически - характерной для него. Вслѣдъ за первымъ сообщеніемъ, которое мы сдѣлали по этому поводу въ *Revue scientifique*, фактовъ набралось множество и съ нѣкоторыми мы знакомимъ здѣсь нашихъ читателей.

Одна обезьяна, которую одѣли по европейски, возвратившись въ свои горы, была принята очень неблагоклонно — всѣ товарищи отъ нея разбѣжались.

Всѣмъ извѣстно, что собаки часто лаютъ безъ всякой надобности, на примѣръ, на экипажъ, проѣзжающій по тихимъ улицамъ деревни.

Извѣстны случаи, въ которыхъ лошади начинали нести потому только, что наѣздникъ одѣтъ не въ тотъ костюмъ, въ которомъ онѣ привыкли его видѣть.

По словамъ Роменса и Дэльбо, собаки боятся мыльных пузырей: «При четвертомъ лопнувшемъ пузырь — пишетъ послѣдній — злоба моихъ собакъ вышла изъ границъ».

Дѣти точно такимъ же образомъ относятся ко всему для нихъ новому. Ребенокъ, въ первый разъ увидѣвшій чужое лицо или невиданное животное, волнуется и ищетъ возможности убѣжать только потому, что боится новаго впечатлѣнія. По той же самой причинѣ онъ сердится, если вы переведете его въ другую комнату и пугается всякой новой мебели. Среди дѣтей попадаются такіе, которые любятъ смотрѣть все однѣ и тѣ же картины и слушать однѣ и тѣ же сказки.

Вариньи рассказываетъ, что одинъ двухлѣтній ребенокъ, очень его любившій, убѣжалъ со страхомъ, когда увидалъ его ногу, завернутую въ вату по случаю припадка ревматизма. Даже послѣ выздоровленія Вариньи, ребенокъ продолжалъ избѣгать его и бояться; только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и то въ присутствіи третьяго лица, состоялось примиреніе.

Женщины мизоничны такъ же какъ и дѣти, особенно по отношенію къ религіи и житейскимъ обычаямъ, а въ нѣкоторыхъ областяхъ и по отношенію къ языку предковъ, до такой степени, что не измѣняютъ послѣднему даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ окружающіе говорятъ иначе, какъ на примѣръ въ Америкѣ, въ Ориноко, у абинонцевъ, принявшихъ языкъ сосѣднихъ племенъ.

Отвращеніе къ новому, замѣчаемое у дѣтей и женщинъ, даже высоко цивилизованныхъ, еще рѣзче проявляется у дикихъ народовъ, психическая слабость которыхъ затрудняетъ ассимиляцію непривычныхъ впечатлѣній, особенно если они сильно разнятся отъ впечатлѣній ранѣе ассимилированныхъ и если между первыми и послѣдними нѣтъ точекъ соприкосновенія. Такъ, въ первобытныхъ языкахъ, слогъ нѣ называется быкомъ съ бивнями; въ китайскомъ языкѣ, лошадь есть

большая собака; по санскритски, вмѣсто того, чтобы сказать стойло для лошади, говорятъ: стойло для лошадиного быка, а вмѣсто пары лошадей—пара лошадиныхъ быковъ.

Если отъ стараго впечатлѣнія къ новому нѣтъ никакого перехода, то трудъ ассимиляціи послѣдняго становится такъ тяжелъ, что вызываетъ страданіе, проявляющееся въ видѣ страха.

Съ нормальнымъ человѣкомъ происходитъ тогда то же самое, что мы наблюдали разъ у одной помѣшанной, которую до такой степени поражалъ первый, встрѣтившійся ей на улицѣ предметъ или человѣкъ, что она потомъ цѣлый день подставляла это первое впечатлѣніе вмѣсто всѣхъ другихъ. Въ такихъ случаяхъ она особенно сердилась на свою дочь, которую очень любила и всегда узнавала, но тѣмъ не менѣе видѣла въ формѣ лица или даже животнаго, прежде другихъ ею въ тотъ день встрѣченнаго. Эта же женщина, даже въ компаніи съ кѣмъ нибудь, не могла посѣщать мѣстности, въ которыхъ никогда прежде не бывала, такъ какъ страхъ и смущеніе, овладѣвавшія ею въ такихъ случаяхъ, довели ее чуть не до самоубійства.

Такимъ образомъ первобытный, слабый или ослабленный болѣзною разумъ питаетъ особое отвращеніе ко всему новому, за исключеніемъ, конечно, такихъ незначительныхъ измѣненій, каковы, на примѣръ, новыя моды для женщинъ, новыя игрушки—для дѣтей, новыя татуировки—для дикарской игры. Эти маленькія новости даже радуютъ ихъ, такъ какъ возбуждаютъ нервныя центры, нуждающіеся въ нѣкоторой перемѣнѣ, нисколько не раздражая послѣдніе и не причиняя страданія.

Но когда нововведеніе является слишкомъ радикальнымъ, то не только дикари да дѣти, а и громадное большинство людей начинаетъ бояться его, потому что мизонеизмъ лежитъ въ натурѣ человѣка, благодаря страданію, производимому слишкомъ рѣзкими переходами отъ одного впечатлѣнія къ другому. Вообще, инерція и стремленіе къ повторенію уже испытанныхъ (лично или атавистически) движеній, свойственны

среднему человѣку такъ же какъ и животнымъ.

Такого средняго, дюжиннаго человѣка, враждебно относящагося къ нововведеніямъ, можно сравнить съ гипнотизированнымъ субъектомъ, который, находясь подъ влияніемъ внушенія, не видитъ предметовъ, стоящихъ, передъ его глазами. Понятно, что онъ долженъ считать смѣшнымъ, глупымъ или злонамѣреннымъ того, кто охотно принимаетъ всякія нововведенія.

Максъ Нордау *) совершенно справедливо говоритъ: «Всякое новое ощущеніе должно быть легкимъ и не очень неожиданнымъ, чтобы доставить удовольствіе; оно должно мало отличаться отъ ощущеній уже испытанныхъ и быть какъ бы естественнымъ ихъ послѣдствіемъ. Ощущенія, слишкомъ рѣзко отличающіяся отъ привычныхъ, причиняютъ страданіе и потому возбуждаютъ страхъ. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что люди, гонящіеся за маленькими новостями, изъ всѣхъ силъ отбиваются отъ нововведеній, нарушающихъ обычную жизнь». «Я расположенъ думать—говоритъ онъ далѣе—что дикія племена исчезаютъ при введеніи цивилизаціи единственно потому, что громадная перемѣна въ обстановкѣ вызываетъ въ ихъ мозгу непосильную дѣятельность».

Вообще мизонеизмъ есть способность покровительственная. Эта его функція была прекрасно разъяснена Bcard'омъ **), который замѣтилъ, что дикари, неприходившіе въ соприкосновеніе съ цивилиціей, необыкновенно хорошо переносятъ яды, раненія, сифилисъ, даже алкоголь, почему и смертность между ними меньше. Наоборотъ—граждане Соединенныхъ Штатовъ, постоянно раздражаемые такими нововведеніями какъ телеграфъ, пресса и т. п., всѣ поголовно становятся неврастениками, то есть вѣчно больными людьми, на которыхъ сильно дѣйствуетъ даже чашка кофе или рюмка вина, и это тѣмъ болѣе, чѣмъ цивилизація выше, такъ что здоровье обывателей Сѣверныхъ Штатовъ сильнѣе расшатано чѣмъ здоровье обывателей Южныхъ. Большинство—заключаетъ Максъ Нордау—всегда будетъ кон-

*) Максъ Нордау, *Парадоксы*.

**) *Le neurosisme en Amerique, 1888.*

сервативнымъ, потому что живетъ согласно наслѣдственному инстинкту, а не по новымъ, индивидуально составленнымъ планамъ, среди которыхъ не можетъ ориентироваться.

2) Мизонизмъ въ нравахъ.—Вотъ хоть бы, напимѣръ, нравы. Въ современномъ грекѣ, несмотря на всѣ историческіе перевороты, мы найдемъ грека древняго: аркадійцы до сихъ поръ ведутъ жизнь пастушескую; спартіаты до сихъ поръ отличаются жестокостью и воинственностью. Ренанъ нашелъ въ Сиріи тѣ же нравы и обычаи, которые господствовали во времена Великой Имперіи. Средневѣковой византиецъ отличался той же любовью къ элегантнымъ спорамъ и софистическимъ тонкостямъ, какъ древне-греческіе философы. Венгры ненавидятъ горы и любятъ равнины, подобно предкамъ своимъ, гуннамъ. Цыгане до сихъ поръ сохранили нравы, языкъ, черные волосы, блестящіе глаза и рѣзкія черты лица древнихъ синдовъ, вмѣстѣ съ ихъ легковѣріемъ, апатичностью, любовью къ бродяжничеству, наклонностью къ воровству и отвращеніемъ къ работѣ. *)

Путешественники, какъ напимѣръ Бельтрамъ, говорятъ, что нравы современныхъ кочующихъ арабовъ нисколько не измѣнились съ библейскихъ временъ.

Въ Потн, древнемъ Фазисѣ, нравы остались тѣ же что и во времена Геродота. Суаны (Suanes) до сихъ поръ приносятъ человѣческія жертвы, причемъ не щадятъ даже собственныхъ дочерей. У осетинъ фамиліиыя имена еще не установились. У лезгинъ мужъ до сихъ поръ пользуется правомъ на жизнь своей жены. **)

И такимъ образомъ вплоть до французъ XIX вѣка, которые, во многихъ случаяхъ, остались такими же, какими ихъ описали Страбонъ (IV, 4) и Цезарь (De bello Gallico, 4, 5), то есть воинственными, любящими блескъ, неизлѣчимо тщеславными, краснорѣчивыми и увлекающимися краснорѣчіемъ, любителями всего новаго, легкомысленными и неблагоразумными.

*) Рибо, *Психологическая наслѣдственность*.

**) Chantre, *Recherches anthropologiques dans le Caucase*. 1888.

Въ нашихъ современныхъ нравахъ, карнавалъ есть, въ сущности, атаквистическій возвратъ къ древнимъ римскимъ вакханаліямъ, праздновавшимся, какъ извѣстно, съ древнѣйшихъ временъ. Нѣкоторые думаютъ, что обычай этотъ перешелъ отъ пелазговъ, въ 497 г. до Р. Х. Въ Римѣ вакханаліи праздновались сначала 17-го, а потомъ 19-го декабря и должны были продолжаться одинъ день; Августъ продлилъ ихъ на три дня, а Калигула — на пять, на самомъ же дѣлѣ онѣ всегда праздновались цѣлую недѣлю. Это былъ настоящій народный праздникъ для низшихъ классовъ: крестьяне отмѣчали имъ конецъ полевыхъ работъ; преступники получали свободу, обвиненные оправдывались, рабы могли одѣваться какъ свободные люди, освобождались отъ работъ и даже обѣдали за однимъ столомъ съ господиномъ.

Въ нашихъ карнавальныхъ торжествахъ много пережитковъ, указывающихъ на ихъ происхожденіе. Въ Веронѣ, напимѣръ, совершаются процессіи, въ которыхъ участвуютъ люди одѣтые вакхантами, а также отдѣльные кварталы со своими значками и въ строго-мѣстическомъ порядкѣ, какъ въ Средніе Вѣка. Тоже происходитъ и въ Сіаннѣ, а въ Ивра, въ память побѣды народа надъ феодалами въ Средніе Вѣка, всѣ надѣваютъ въ это время фригійскіе колпаки.

3) Мизонизмъ въ религіи.—Мизонизмъ проявляется также въ религіи, литературѣ и искусствѣ. По отношенію къ религіи, можно даже сказать, что она всецѣло основана на мизонизмѣ, до такой степени, что въ христіанствѣ, напимѣръ, сохранились отъ древнихъ религій не только священныя облаченія египетскихъ жрецовъ (митра, фибула), но и нѣкоторыя догмы, имѣющія отношеніе къ солнцу, и даже древній фетишизмъ.

Въ Австраліи, въ Индіи, и даже среди насъ, несмотря на обиліе пищи, на строгость законовъ и на сильно развитое чувство милосердія, долго еще сохранялся каннибализмъ, такъ же какъ ритуальныя убійства и избіеніе плѣнниковъ. Спенсеръ доказалъ, что печальнымъ остаткомъ ихъ и до сихъ поръ служитъ еврейское

обрѣзаніе, которое, по ритуалу, должно быть производимо каменнымъ ножомъ, что одно уже указываетъ на доисторическое происхождение этого ритуала.

Фанатизмъ процвѣталъ даже въ самый разгаръ революціи; по смерти Марата, Граншэ напечаталъ тысячи экземпляровъ надгробной рѣчи, въ которой безпрестанно повторялось; *Coeur de Jésus, coeur de Marat, protégez nous* (сердце Иисуса, сердце Марата, покровительствуйте намъ).

Да даже теперь, въ центрѣ Европы, развѣ не опасно еще и не преступно признавать себя атеистомъ, утверждать что Богъ есть гипотеза? А между тѣмъ этой новости уже болѣе трехъ тысячъ лѣтъ... Не считаютъ ли за грѣхъ и теперь еще, многіе, работать по воскресеньямъ?

Но можно найти кое-что и похуже.

Anfosso *) приводитъ яркіе примѣры того, что среди современнаго населенія земного шара сохранилось еще поклоненіе камнямъ—эта первобытная форма религіи варваровъ.

Такъ, тунгузы поклоняются камнямъ; значитъ, этотъ культъ, когда, то общій первобытнымъ народомъ, еще сохранился. Въ началѣ среднихъ Вѣковъ онъ господствовалъ и въ Европѣ, притомъ до такой степени, что Теодорикъ, архіепископъ Кентерберійскій, принужденъ былъ запрещать поклоненіе камнямъ; а на Турскомъ соборѣ, въ 567 году, предписано было священникамъ не допускать въ церкви камнепоклонниковъ.

Несмотря на это, даже теперь, въ наше время, около Орогы (Огора) находится камень, къ которому приходятъ на поклоненіе безплодные женщины, чтобы вымолить себѣ материнство. Во многихъ долинахъ Пьемонта, и въ Сициліи, по древнему обычаю, прохожіе бросаютъ на могилы маленькіе камешки, которые и скопляются тамъ большими кучами (Anfosso).

Рядомъ съ культомъ камней сохранился и культъ источниковъ; въ Бретаніи, знаменитый калодезъ Св. Анны Орейской (St. Anne d'Annay) и священный фонтанъ въ церкви Сень-Меле (S. Melay) до сихъ поръ служатъ цѣлью паломничества **).

*) *La legenda religiosa*. Туринъ. 1888.

**) *Early Races of Scotland*.

Еще въ 1791 году много народа ходило къ источнику *Seints-Fillans*, въ Пертширѣ, для того чтобы искать воды и выкупаться ради здоровья, какъ въ купели Силоамской. Всѣ паломники должны были три раза въ день обойти вокругъ источника, бросить бѣлый камешекъ въ сосѣдній ручей и въ концѣ концовъ оставить какую нибудь принадлежность своего туалета, въ видѣ жертвы генію—покровителю мѣста *).

Полковникъ Фабертъ Лесли говоритъ, что въ Шотландіи очень мало церквей, при которыхъ не было бы святого колодца.

Въ Ирландіи очень распространены легенды о *Kelru*, или духѣ водъ, который можетъ принимать различныя формы и является то въ видѣ женщины или мужчины, то въ видѣ лошади, а чаще всего въ видѣ быка. Значитъ ирландцы не только въ прошломъ вѣкъ твердо вѣрили въ существованіе этого духа, но не совершенно отказались отъ этого вѣрованія и теперь (Леббокъ).

Такимъ образомъ, культъ источниковъ, столь обычный въ Индіи—странѣ священнаго Ганга, перешелъ и къ намъ. И теперь еще, около Турина, въ церкви Св. Панкратія, можно видѣть бассейны, изъ котораго вѣрующіе пьютъ воду въ день мѣстнаго праздника, и если они недостойны войти въ церковь, то сейчасъ же отыгальютъ ее обратно. Вообще, вѣра въ чудотворную воду есть одно изъ самыхъ постоянныхъ и распространенныхъ суевѣрій, какъ это доказывается, между прочимъ, святынями Лурда и Ля-Спѣтты.

Въ долинѣ *Cérésale* обыватели имѣютъ обыкновеніе подвѣшивать къ вѣтвямъ деревьевъ маленькіе мѣшочки съ плодами или овощами, что, по всей вѣроятности, есть остатокъ древняго культа лѣсныхъ божествъ. **)

Христіанскіе святые въ свою очередь по чудесамъ отождествляются съ языческими богами. Такъ, противъ безплодія, принято молиться Св. Андрею; противъ эпилепсін—Св. Іоанну; противъ головной боли—Св. Донисію; противъ болѣзни глазъ—Св. Лючіи и проч.

Въ Россіи мужики поклоняются ста-

*) *Lisy, In alto*, Миланъ 1889.

**) *Lopez-Lavi, Le leggende delle Alpi*, Туринъ 1889.

рымъ славянскимъ богамъ подъ новыми именами. Воданъ (Wodan?) есть старый богъ водъ; Домовой—геній дома; Св. Власій—Волось, богъ скота. Тамъ же во многихъ мѣстностяхъ существуетъ обычай звать священника для благословенія коней и колдуна для того, чтобы заговаривать ихъ. Вообще, для большинства, Богъ является еще великимъ волшебникомъ, не даромъ славянскій Перунъ, богъ грома, и до сихъ поръ ставится на престолахъ въ формѣ пророка Иліи (!)*).

Во Франціи, въ департаментѣ Сены-и Луары, и теперь еще встрѣчаются слѣды друидизма, у такъ называемыхъ Бѣлыхъ (Blancs), въ ихъ религіозныхъ постановленіяхъ, напоминающихъ чрезвычайно древній ритуалъ (Mortillet).

Mortillet утверждаетъ даже, что въ Бретани сохранился обычай ставить кельтическіе памятники, причемъ одинъ такой былъ воздвигнутъ въ честь революціи 1848 г.

Въ самыхъ отдаленныхъ долинахъ Умбріи, по словамъ Bellucsir, какъ предохранительное средство противъ молніи, употребляются кремневая стрѣлы; противъ болѣзней скота—каменные топорки, огромная кремневая скребница; противъ выкидышей—этиты (oétitis), противъ разстройства регулъ—кровавикъ. Въ общемъ цѣлая фармакопея, очевидно доставшаяся по наслѣдству отъ каменнаго вѣка.

Въ Бельгіи, странѣ наиболѣе просвѣщенной, Носх собралъ народныхъ предразсудковъ и суевѣрій на цѣлый томъ въ 600 страницъ**). Тутъ фигурируютъ и веревка повѣшеннаго, и вода Св. Іоанна, и блудящіе огоньки, счастливые и несчастные дни, пасхальныя яйца, паломничество на могилы, колдуны, талисманы, и проч. и проч.

Pitré рассказываетъ, что женщины, въ Палермо, цѣлый годъ сохраняютъ яйца, снесенныя курами въ Страстную Пятницу; Tigaboschi говоритъ, что то же самое дѣлается и въ Бергамо, гдѣ эти яйца считаются предохраняющими отъ паденія деревьевъ (chute des arbres).

*) Леруа—Волье, *Le sentiment religieux en Russie* (*Revue de Deux Mondes*, 15 Apr. 1889).

**) Croyances et remèdes populaires au pays de Liège Льежъ, 1888.

Между тѣмъ отецъ Донато Кальви писалъ что въ его время (середина XVII вѣка) многія женщины сохраняли айца, снесенныя въ Страстную Пятницу, какъ предохранительное средство отъ пожара, когда ихъ надо было бросать въ огонь)*.

А что же сказать о суевѣрномъ почитаніи пятницы, столь разпространенномъ и берущемъ свое начало въ первые вѣка христіанства? Парижскіе осинибусы перевозятъ, въ среднемъ, 47000 человекъ ежедневно, а по пятницамъ на 27000 чел. меньше. (Pitré).

Очень многіе, такъ же, какъ будто бы ради шутки, а на самомъ дѣлѣ въ серьезъ, носятъ на себѣ или вѣшаютъ на шею своимъ дѣтямъ, въ видѣ амулета, маленькую, серебряную или золотую свинью. Между тѣмъ этотъ обычай начался еще въ древнемъ Римѣ, гдѣ, какъ извѣстно, свинья считалась священнымъ животнымъ. При самыхъ торжественныхъ свадьбахъ, супруга, отправляясь въ домъ своего мужа, должна была обертывать притолоки дверей шерстяными лентами и смазывать ихъ свинымъ саломъ, въ предупрежденіе несчастій.

Вѣрность очень древнимъ религіямъ тоже можетъ служить доказательствомъ мизонейзма. Мы видимъ, напримѣръ, что доисторическій браманизмъ устоялъ противъ нападений монголовъ, персовъ, мусульманъ и европейцевъ; а когда Будда явился его реформаторомъ, то массы, въ интересахъ которыхъ онъ дѣйствовалъ, были противъ него, и до такой даже степени, что пропаганда буддійской религіи—то есть, собственно говоря, очищеннаго браманизма, должна была перенестись изъ Индіи въ Китай, Тибетъ и на Цейлонъ. Тоже самое случилось и съ гебраизмомъ: христіанство родилось въ Іудеѣ, но народныхъ массъ не увлекло за собою, евреи разсѣялись по всему свѣту и до сихъ поръ хранятъ неизблѣнными свои древнія суевѣрія.**)

4) Мизонейзмъ въ нравственности.—Мизонейческій инстинктъ, поддерживаемый религіей, можетъ оставить слѣды достаточно глубокія для того, чтобы образовать своеобразную мораль и вы-

* *Rivista europea*, 2. VII Abr. 1876.

***) Lacoze, *Le Bouddisme et le Christianisme*. *Rev. Scient.* 1887.